

— Акико.

— Наш ангел!

— Акико!

Акико Ёсано чувствовала, как взлетает высоко-высоко, а внизу толпились солдаты — её названные старшие братья. Они тянули к ней руки и заливисто, искренне смеялись.

— Ха-ха-ха-ха!

Акико тоже хохотала во все горло. Множество широких, сильных ладоней внизу казались ей упругим батут, который раз за разом подкидывал её всё выше, к самому небу.

Это продолжалось целую вечность. Ни она, ни те, кто подбрасывал её, не знали усталости. Ей казалось, что этот полет никогда не прекратится.

Но вдруг...

«...»

А почему в этот раз так долго?

Акико растерялась. Раньше ведь её подхватывали почти сразу, не давая надолго задерживаться в вышине.

Внезапно накрыло удушающее чувство невесомости. Девочка испуганно огляделась: светлый, пусть и немного размытый мир, только что окружавший её, бесследно растворился во тьме.

Она стремительно полетела вниз и с силой ударилась о холодный пол.

Она резко вскочила, тяжело дыша.

«Это всего лишь сон».

Сон-то сон, но гнетущее чувство одиночества и покинутости никуда не делось. Акико крепче обхватила себя руками за плечи, пытаясь унять дрожь и согреться.

«Всё, что снилось — ложь».

На её длинных ресницах дрожала крохотная слезинка. Глубоко внутри Акико, возможно, уже понимала, что вокруг творится нечто ужасное, но упрямо продолжала изо дня в день обманывать себя.

Ей так хотелось снова попробовать те пирожные, которые ей отдавали в кондитерской после смены, потому что не успевали распродать. Хотелось дочитать книжку, на которую вечно не хватало времени. Хотелось увидеть друзей, с которыми она даже не успела попрощаться.

Но едва эта тоскливая тяжесть подступала к горлу, её тут же вытесняли чужие голоса — бесконечные слова благодарности.

«Всё хорошо. Они ведь тоже хорошие люди».

«Всё в порядке. Я спасаю их».

Раздался тихий стук — рядом поставили стакан с водой.

Она наконец заметила того, кто недавно вырубил её, и мгновенно напряглась, готовая к защите.

— Ты только что спокойно проспала у меня на глазах несколько часов, — ровным голосом произнес Аль-Хайтам. — И всё ещё боишься, что я причиню тебе вред?

Аль-Хайтам под прикрытием Системы уже успел разведать обстановку на базе острова Токоями.

«Какая дикость. Промыть мозги маленькому ребёнку, чтобы сделать её ядром «Бессмертного легиона»».

Безумные амбиции Огая Мори ничуть не уступали планам Сираджа, мечтавшего о создании коллективного разума «Улья». Разница заключалась лишь в том, что один пренебрёг пределами человеческой психики, а другой недооценил масштабы людской алчности.

Хотя нет, Мори вовсе не заблуждался. Он прекрасно всё понимал, но ему было попросту плевать. И от этого его замысел казался ещё более зловещим и абсурдным.

Как бы то ни было, Аль-Хайтам испытывал к Огаю Мори глубокую неприязнь, а к Акико Ёсано — искреннее, хоть и сдержанное сострадание. Он прекрасно понимал: девочка оказалась здесь не по своей воле.

— Я буду приходить сюда каждую неделю в это же время, — продолжил Аль-Хайтам. — Тебе не нужно считать меня шпионом. Даже если ты расскажешь обо мне другим, их воспоминания

сотрутся или исказятся.

Он говорил чистую правду. Верить ему или нет — Акико должна была решить сама. Аль-Хайтам не рассчитывал на её доверие с первой же встречи, ведь его появление здесь действительно выглядело слишком странным и необъяснимым.

Поэтому, рассчитав время до секунды, он просто оставил на краю стола яркую детскую книжку со сказками и растворился в воздухе прямо на её глазах.

Акико долго смотрела на пустое место.

Её взгляд невольно приковала пёстрая обложка книги. В её возрасте дети должны играть и веселиться, а не смотреть на кровавые ужасы войны.

Огай Мори часто приносил ей подарки: красивые платица, сладости, забавные игрушки. Но среди них никогда не было простой детской книжки, полной наивного и чистого волшебства.

Оно и понятно. Тот, кто соприкоснулся с прекрасным, неизбежно начнёт сомневаться в кошмаре, который его окружает.

«Я просто... должна проверить, не опасна ли эта вещь».

Акико знала, что нельзя брать вещи у незнакомцев, но быстро нашла для себя удобное оправдание и протянула руку к оставленной Аль-Хайтамом книге.

Намимори

Что происходит, когда Сатору Годзё заносит в Намимори?

Для начала — он ввязывается в драку с Кёей Хибари исключительно из-за своего чересчур вызывающего вида.

— Да я ношу то, что мне нравится! — вопил Сатору.

— Нарушение дисциплины! — отрезал Хибари.

Годзё упрямился как самый настоящий осёл. Чем усерднее ему что-то запрещали, тем сильнее ему хотелось это сделать. Хибари, который обычно проявлял каплю терпения к маленьким детям и животным, без колебаний вычеркнул белоголового нахала из этой категории.

Сатору Годзё был Сатору Годзё. А дети — это дети. Ни один ребёнок в мире не обладал столь несносным языком и столь чесавшимися не к месту руками.

После очередной порции издевательских подначек со стороны Годзё Хибари резко выхватил тонфы, вознамерившись немедленно навести порядок в школе Намимори.

Сюдзи Цусима, уцепившись за сетку ограждения на крыше, лениво наблюдал за назревающей потасовкой. Его скучающий вид привлек внимание остальных ребят, сидевших неподалеку.

То, как ученик начальной школы умудрился пробраться на крышу средней школы, объяснялось исключительно феноменальным обаянием Сюдзи и его умением заговаривать зубы кому угодно.

— А-Дзи, это твой друг? — нерешительно спросил Цунаёши Савада, смутно припоминая, что этот белобрысый парень пришел вместе с Сюдзи.

— Ещё чего, — поморщился Сюдзи.

Сюдзи было физически неприятно слышать, что он водит дружбу с этим ненормальным Сатору — хуже, чем если бы его облизала бродячая собака. В груди противно сдавило, и он раздраженно выдохнул.

— А этот придурок силён, — процедил Хаято Гокудэра, наблюдая за Годзё, который без особого труда уклонялся от яростных выпадов Хибари. Гокудэра с досадой осознал, что уступает в мастерстве какому-то мелкому выскочке.

— Вот бы его к нам в бейсбольный клуб! — воодушевленно воскликнул Такеши Ямамото. Он всегда искал сильных парней для своей команды, а Годзё по возрасту как раз отлично подходил.

Пока на крыше шумно обсуждали происходящее, внизу всюду кипел бой.

— А ты неплох! — крикнул Сатору.

В пылу схватки его темные очки слетели, явив миру сияющие азартом ярко-голубые глаза. Сатору Годзё раззадорился не на шутку.

Поначалу Хибари дрался лишь одной тонфой, но, чувствуя, как с каждой секундой противник теснит его, достал и вторую.

— Ты бьёшься не в полную силу, — процедил Кёя, заметно раздражаясь. Последний раз такое унижительное чувство бессилия он испытывал, когда Дино упрямо навязывался ему в учителя.

— Да ладно тебе, я ещё даже школу не осмотрел, — хмыкнул Сатору.

К тому же, у Годзё не было никакого желания всерьёз сражаться с обычным человеком, обделенным проклятой энергией. Он пустил в ход свою проклятую технику лишь потому, что Кёя Хибари обладал поистине феноменальными физическими данными и невероятной скоростью.

— Хм.

Поняв, что этот наглец умудряется как-то блокировать любые его удары, Хибари мгновенно сориентировался. Он зажег на своих тонфах Пламя посмертной воли. В следующее мгновение смертоносное оружие со свистом рассекло воздух прямо перед грудью Сатору.

Пламя Облака обладало невероятным свойством к увеличению и размножению. Техника Безграничности Годзё работала на концепции бесконечного замедления, останавливая любую атаку до того, как та соприкоснется с его телом.

Столкновение этих двух сил превратилось в яростное противостояние на микроскопическом уровне.

Хибари не знал природы способностей Сатору, но его гениальная боевая интуиция подсказала верное решение. Он заставил Пламя Облака стремительно разрастаться, пытаясь перегрузить лимит скорости Безграничности, которую Сатору в силу возраста ещё не мог поддерживать бесконечно.

Проще говоря — задавить грубой мощью.

Раздался оглушительный взрыв. Волна мощи встряхнула школьный двор, мгновенно приковав к себе взгляды всех зевак.

Клубы густого, серого дыма заволокли площадку, скрывая бойцов от посторонних глаз.

<http://bllate.org/book/18256/1755657>